

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И ЛИНГВОСЕМИОТИКА

FUNCTIONAL SEMANTICS AND LINGUISTIC SEMIOTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-547-558

УДК 81'255:801.736:27-23

Научная статья / Research article

Вариативность при диахроническом переводе текстов Библии

Г.Т. Хухуни¹, И.И. Валуйцева¹, А.А. Осипова²✉

¹Московский государственный областной университет,
141014, Российская Федерация, Мытищи Московской обл., ул. Веры Волошиной, 24

²Московский педагогический государственный университет,
19991, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1

✉assya@yandex.ru

Аннотация. Понятие вариативности принадлежит к числу наиболее часто используемых при рассмотрении вопросов, связанных с проблемами перевода. В той или иной степени она проявляется при межъязыковой передаче текстов самых различных жанров, однако, в первую очередь, с ней приходится сталкиваться при переводе художественных (в широком смысле слова) произведений. Указанный момент становится особенно очевидным в тех случаях, когда один и тот же исходный текст имеет несколько версий на другом языке (языках). Прежде всего, это относится к Библии, превосходящей остальные литературные памятники как по количеству существующих переводов на разные языки, так и по продолжительности традиции межъязыковой передачи. Названное обстоятельство обуславливает актуальность темы статьи. Несмотря на наличие большого количества работ, посвященных различным аспектам переводов Священного Писания, ряд моментов, связанных с наличествующей в них вариативностью, не может считаться полностью исследованным, что позволяет говорить о научной новизне статьи. Материалом исследования послужил ряд фрагментов версий, созданных на различных языках, для изучения которых применялся метод сопоставительного анализа. Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать следующие выводы: а) вариативность при передаче отобранных фрагментов может быть вызвана как объективными, так и субъективными факторами; б) наличие в оригинале так называемых «темных мест», дающих возможность неординарной интерпретации, приводит к существенным различиям при их репрезентации на языке перевода; в) стремление к прагматической

© Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

адаптации содержания для инокультурной аудитории в ряде случаев влечет за собой замену реалий, порой искажающую отраженную в исходном тексте действительность; г) в современных переводах могут отражаться моменты, связанные с политкорректностью, «инклюзивным языком» и т.п., не всегда соответствующие идеологии исходного текста.

Ключевые слова: вариативность, оригинал, перевод, Библия, диахронический, прагматический, реалия

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 1.06.2021

Для цитирования:

Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А. Вариативность при диахроническом переводе текстов Библии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 547—558. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-547-558

Введение

С середины XX века в специальной литературе часто стала мелькать (со ссылкой на Э. Кари) характеристика прошлого века как «века перевода». А его вторую половину (как и первые два десятилетия XXI столетия) можно было бы назвать и веком переводоведения, принимая во внимание, какое количество трудов, имеющих отношение к теории перевода, появилось за этот период и какой пестротой взглядов они характеризуются. Некоторые концепции и подходы к переводу, характерные для настоящего времени, можно найти в [1—6] и ряде других работ. Отметим, что здесь наблюдается своеобразный парадокс. С одной стороны, стало уже общим местом утверждение, согласно которому международным языком научной, технической и иной информации в наши дни является английский, на котором выходит львиная доля публикаций (обычно называют цифру в 80—85%) — обстоятельство, которое, казалось бы, не слишком способствует ни самой переводческой деятельности, ни разработке связанных с ней теоретических вопросов (разве что в плане передачи на глобальный язык оставшихся 20—15%, которые, вопреки господствующей тенденции, все еще продолжают появляться). Израильские коллеги заметили, что в наши дни «Бог не смог бы получить повышение ни на одном факультете Еврейского университета в Иерусалиме <...> потому что у него была всего лишь одна публикация, да и та не на английском» [4. С. 24—25]. С другой стороны, в суждениях современных переводоведов нередко наблюдается стремление ссылаться для обоснования выдвигаемых ими положений, идущих вразрез с традиционными представлениями о сущности и задачах перевода, именно на межъязыковую передачу речевых произведений, не относящихся к числу художественных. При этом утверждается, что «перевод художественной литературы является наиболее благоприятным материалом для создания субъективных, умозрительных, даже радикальных теорий,

нежизнеспособность которых было бы легко продемонстрировать, применив их к более утилитарным текстам» [5]. Однако когда автору процитированных строк показалось необходимым привести пример вариативности при передаче некоторого фрагмента, в его качестве был взят именно отрывок из художественного текста, переданного несколькими переводчиками. Разумеется, с проблемой выбора приходится иметь дело не только при передаче художественных произведений — но вряд ли можно оспорить тот факт, что именно в этом случае исследователь гораздо чаще располагает несколькими вариантами перевода, анализ которых и дает возможность прояснить на конкретном материале те или иные проявления переводческой вариативности.

Особенно показательны в этом отношении случаи, когда объектом изучения являются тексты, передача которых не только многократно осуществлялась, но и относится к разным эпохам, то есть когда перевод носит диахронический характер. И здесь совершенно уникальное место занимают переводы Библии — и по числу существующих версий (которое непрерывно возрастает), и по продолжительности традиции межъязыковой передачи (начиная с Септуагинты, создававшейся более 2000 лет тому назад). Несмотря на большое и постоянно пополняющееся число исследований, посвященных различным аспектам межъязыковой передачи Священного Писания, ряд моментов, относящихся к интересующей нас проблеме, не может считаться полностью изученным. Настоящая статья содержит попытку осветить некоторые из них.

Предварительные замечания

При всем разнообразии создававшихся во второй половине XX — начале XXI века переводоведческих концепций, отличия между которыми не раз анализировались как зарубежными, так и отечественными учеными, многие из них имеют одну общую черту, хотя и проявляющуюся в различной форме. Ее обычно характеризуют как уход от «текстоцентричности» ([9—10]), доходящий порой до тезиса о «ниспровержении исходного текста» [2. С. 164] и несколько парадоксального, на первый взгляд, положения, согласно которому может существовать и «перевод без переводных текстов» [5. С. 211].

Поскольку рассмотрение названных положений не входит в задачи данной работы, ограничимся указанием, что в предлагаемой статье перевод рассматривается, вслед за классиками отечественного переводоведения, именно как межъязыковое преобразование исходного текста в переводной. При выявлении причин, обуславливающих вариативность осуществляемой передачи, порой приводящих к довольно существенным расхождениям между теми или иными версиями, принимаются во внимание и факторы, не ограничивающиеся только внутритекстовыми моментами. В этом отношении представляется справедливым положение Л.С. Бархударова (70-е гг. XX в.), концепция которого иногда рассматривается как своего рода квинтэссенция «текстоцентричного» подхода». Он относил теорию перевода к «макролингвистике» и подчеркивал невозможность строить ее «на чисто лингвистической основе, без

учета экстралингвистических факторов, то есть явлений, лежащих вне структуры самого языка, хотя и непосредственно с ним связанных» [11. С. 30—31].

К «макролингвистическим» можно отнести и моменты, относящиеся к личности межъязыкового посредника, то есть имеющие в значительной мере субъективный характер. О том, что они могут сыграть весьма важную роль при выборе тех или иных средств передачи, писали многие авторы (ср. название одной из глав книги К.И. Чуковского: «Перевод — это автопортрет переводчика» [12. С. 31]). Применительно к переводам Священного Писания к этому могут добавиться и некоторые специфические моменты.

Исходный текст: проблема выбора

Обычно рассмотрение проблем межъязыковой передачи начинают с предпереводческого анализа текста оригинала, куда включают такие моменты, как сбор сведений о тексте, характеристика источника и реципиента, тип заложенной информации, коммуникативная задача перевода, жанр подлинника (подробнее см., в частности, [13. С. 324 —332]). Когда же речь идет о библейских переводах, им предшествует весьма важный в плане нашей темы вопрос: что именно считается оригиналом?

В принципе, он может встать при диахроническом переводе и по отношению к другим памятникам, если они имеют несколько редакций, а «каноничность» какой-либо из них не является общепризнанной. Однако в случае с переводами Библии, как показывает многовековая история их создания, на передний план нередко выдвигался такой момент, как *конфессиональная принадлежность* переводчика / переводчиков.

Исходным языком ветхозаветных книг, в полном соответствии с этнокультурной и религиозной средой, в которых они создавались, признается древнееврейский (вопрос о наличии в них фрагментов на арамейском в настоящей статье не затрагивается), новозаветных, соответственно — греческий (опять-таки оставляем в стороне дискуссию о наличии у Евангелия от Матфея предшествующей ему арамейской версии). Но в реальности дело обстоит несколько сложнее. Существующий ныне еврейский текст Библии — так называемый масоретский — сложился после того, как был выполнен перевод Ветхого Завета на греческий, что привело к определенным, достаточно существенным отличиям между ними. А поскольку на филологический спор — какая именно версия лучше сохранила «неиспорченный пратекст» — наслаивались и моменты религиозного противостояния, постольку уже в древности христианскими мыслителями высказывалась мысль о том, что греческий перевод «подлиннее» существующего еврейского оригинала. Об этом писал, в частности, Блаженный Августин, считавший, что создатель Вульгаты — Блаженный Иероним, поступил бы правильнее, взяв в качестве исходного не еврейский, а греческий текст Септуагинты, поскольку она по отношению к Ветхому Завету является наиболее авторитетным источником (*Septuaginta interpretum, quod ad Vetus Testamentum attinet, excellit auctoritas*) [14. P. 80].

Указанный момент отразился и на отечественной традиции переводов Библии. Именно на греческую версию опиралась церковнославянская Библия; на ее важнейшее значение для православной традиции указывал уже в наши дни митрополит Волоколамский Иларион. Он ссылаясь, в частности, и на то обстоятельство, что «Септуагинта может быть использована для воссоздания первоначального ветхозаветного текста в тех местах, где в стандартный еврейский (так называемый масоретский) текст вкрались ошибки» [15], уточняя при этом, что подобная оценка не означает пренебрежения другими версиями, прежде всего самой еврейской. Эта двойственность сказалась и на наиболее авторитетном в настоящее время Синодальном переводе, впервые вышедшем в свет в 1876 г., который «за пределами богослужения приобрел статус общецерковного или даже официального перевода Русской Православной Церкви». Вследствие этого — продолжаем цитировать митрополита Илариона — «Существуют расхождения между цитатами из Писания у Отцов; между Библией, принятой в греческой Церкви, и церковнославянской Библией; между церковнославянскими текстами Библии и рекомендованным для домашнего чтения русским Синодальным переводом» [15]. Таким образом, можно констатировать в данном случае ярко выраженную переводческую вариативность.

Если обратиться к западной традиции, то и здесь конфессиональная принадлежность автора могла оказывать весьма существенное влияние на выбор исходного текста, а соответственно, и на его межъязыковую передачу. Так, в католическом мире долго держалась традиция признавать «подлинной» латинскую версию Иеронима, автора которой Блаженный Августин упрекал за неверный выбор оригинала. К середине XX века к ней обратился Р. Нокс (известный, по преимуществу, как один из наиболее популярных создателей детективных романов), который подчеркивал, что «истинно католический» перевод, предназначенный для официального использования, может опираться только на Вульгату (for all official purposes a Bible translation must take the Vulgate as its standard) [16].

Впрочем, и там, где языковая вариативность не наблюдалась, а влияние конфессионального фактора могло не сказываться (во всяком случае, непосредственно), вариативность переводческая также не была исключена. Особенно это проявлялось в переводах Нового Завета. Подавляющее большинство отечественных переводчиков передавало его с исходного, то есть греческого языка. Но наличие многочисленных версий на греческом, критический пересмотр которых продолжается и до сих пор (см., например, [17]) приводит и к расхождению в тексте переводном. Например, отечественный читатель, знакомый с текстом Синодального перевода, при обращении к некоторым новым русскоязычным Библиям может обнаружить, что отдельные фрагменты в них выглядят по-иному, что уточняется в соответствующих примечаниях и комментариях. Ограничимся только одним примером. В Деяниях апостолов (28: 16) читаем: «Когда же пришли мы в Рим, то сотник передал узников военачальнику, а Павлу позволено жить особо с воином, стерегущим его», что аналогично церковнославянскому «Егда же приидохом в рим, сотник предаде

узники воеводе, павлу же повеле пребывати о себе, с соблюдающим его воином». В одной из современных версий, выпущенных Российским библейским обществом» [18], соответствующий отрывок выглядит иначе: «Когда же мы прибыли в Рим, Павлу было разрешено снять себе жилье и жить там с охранявшим его воином». Однако в примечании оговаривается: «В ряде рукописей “центурион передал заключенных префекту преторианской гвардии, а Павлу было разрешено”» [15]. Аналогично обстоит дело и в другом современном переводе — так называемой «Заокской Библии»: «Некот. рукописи добавляют: *и центурион передал узников префекту преторианской гвардии*» [19. С. 1642]. Отметим, что во всех рассмотренных версиях (как и в переводах на другие языки) по-разному репрезентировано и греческое слово *στρατοπεδάρχης*, что представляет собой иное проявление переводческой вариативности, связанное с передачей реалий.

«Темные места» как источник вариативности

При рассмотрении вопросов, относящихся к проблематике диахронического перевода (задолго до появления самого термина), большинство авторов обращало внимание на так называемые «темные места» в оригинале, которые либо допускают различное толкование, порой существенно влияющее на содержание соответствующего фрагмента, либо содержат единицы, значение которых неизвестно или недостаточно ясно. Рассуждения по этому поводу можно найти уже в классических трудах А.Ф. Тайтлера [20] и В. фон Гумбольдта [21], причем предлагавшиеся ими решения существенным образом различались.

В переводах Библии наиболее известным примером такого рода является передача знаменитого пророчества Исая (Ис. 7: 14), дискуссия о котором нередко выходит за филологические рамки. Переводчикам Священного Писания приходилось сталкиваться и с другими случаями, когда исходный текст допускает возможность нескольких интерпретаций, что обуславливает и вариативность предлагаемых решений по его передаче. В последнее время с этой точки зрения стал привлекать внимание фрагмент из Второй книги Царств (12: 31), в котором рассказывается о том, как поступил царь Давид с жителями захваченных им аммонитских городов. В еврейской традиции и переводах на европейские языки это Вторая книга Самуила. Традиционная точка зрения, представленная в большинстве классических версий Библии на разных языках, включая Синодальный перевод и церковнославянскую Елизаветинскую Библию, говорит об их мучительной казни: «положил под пилы, под железные молотилки, под железные топоры и бросил их в обжигательные печи / положи на пилы и на трезубы железны и секиры железны, и превоздаше их сквозе печь плинфяну». Однако существуют и иные интерпретации. С одной стороны, отмечалось, что соответствующее место оригинала может толковаться двояко — как в традиционном смысле, так и плане привлечения к принудительному труду: «поставил к пилам, молоткам и топорам» [22] (за информацию об этом издании приносим благодарность преподавателю

Академии Маймонида РГУ им. А.Н. Косыгина Ю.Д. Будман). Именно этот вариант наиболее распространен в современных переводах, включая новую версию латинской Вульгаты, хотя в некоторых из них также делается оговорка о возможности традиционного понимания [19. С. 437]. Добавим, что, опираясь на ряд представителей еврейской традиции, один из русских переводов, выполненный в Израиле, предлагает еще одну интерпретацию: «вывел и положил их под пилы и бороны железные, и под железные секиры; и таскали их по кирпичам улиц» [23].

Что касается наличия в оригинале единиц с неизвестным / неясным значением, то чаще всего при диахроническом переводе с ними приходится сталкиваться при передаче реалий. Как заметили в этой связи создатели одной из наиболее распространенных в наше время англоязычных версий Библии, существует целый ряд лексических единиц — от названий болезней до единиц измерения, точное значение которых установлено быть не может, вследствие чего переданы они могут быть лишь приблизительно [24], что становится богатым источником переводческой вариативности. Хорошо известен спор, относящийся еще к раннехристианской эпохе, какое именно растение — плющ или тыква упоминается в книге пророка Ионы, который вызвал, в частности, острую дискуссию между Блаженным Августином и Блаженным Иеронимом [25]. Не менее показателен пример со словом *kesita*, трактуемом в различных версиях — от древности до наших дней — самым различным образом: то в «натуральном» значении (сто овец / ягнят), то в качестве денежной единицы или единицы веса, за которые можно было приобрести участок земли или сто овец, то как монета / плитка серебра, на которой было выгравировано изображение овцы, то как слиток определенного веса, имеющий форму овцы... (подробнее см. [26]). В ряде переводов можно обнаружить и применение транскрипции / транслитерации (*kesita* / *kesita*), с комментариями или примечаниями, в которых представлено какое-то из перечисленных толкований.

Если в рассмотренных примерах расхождения в передаче обусловлены характером самого текста, провоцирующего переводческую вариативность, то возможны и случаи принципиально иного характера, когда какой-либо неоднозначности или неясности фрагмент текста не содержит, однако воссоздается он по-разному (нередко с вариантами, ни один из которых с исходным материалом не совпадает). Как правило, подобная вариативность вызывается соображениями прагматического характера, что особенно проявляется при передаче реалий.

Хлеб, рис или рыба? (вариативность и прагматическая адаптация)

В 90-е гг. XX века К.С. Данелиа, рассматривая древнегрузинские версии Священного Писания и говоря о том, что «в оригинале могут существовать <...> места, при передаче которых у нескольких переводчиков, работающих независимо друг от друга, не исключено практически полное совпадение»,

приводил в качестве примера словосочетание «хлеб наш насущный», относя его к числу тех, которые «могут быть переданы равноценными эквивалентами» [27. С. 8].

Однако в одной из недавних работ, посвященных библейскому переводу, именно этот «хлеб насущный» приводится в качестве примера весьма яркой иллюстрации вариативности передачи, обусловленной лингвокультурными причинами. Автор этого труда отмечает, что и со словом *насущный* «не так все просто», уделяя основное внимание информации о народах, «основой питания которых традиционно был вовсе не хлеб. Они знают, что такое хлеб, но не называют хлебом еду вообще. Как следствие, в китайском переводе появился «рис наш насущный», а в переводе на язык алеутов, жителей островов на севере Тихого океана — «рыба наша насущная». Это самая основная пища в этих культурах, та, без которой просто нельзя прожить (в отличие от хлеба)» [28].

Не вдаваясь сейчас в вопрос о том, насколько такие замены, получившие теоретическое обоснование еще в работах Ю. Найды в середине XX века, позволят реципиентам составить сколь-нибудь отвечающее реальности представление о тех местах, где происходили описанные в Священном Писании события (особенно когда речь идет о *рисе*), заметим, что подобные субституции в последние десятилетия можно встретить не только в переводах, обращенных к китайцам или алеутам, но и имеющим в виду аудиторию, принадлежащую к западному миру. В одной из немецкоязычных версий [29], претендующих на близость к современному читателю, библейские персонажи уверенно оперируют метрами, килограммами, литрами и т.п. Вряд ли можно сказать, что для культуры, одной из важнейших основ которой в течение пяти веков была Библия Лютера, использованные в этой версии традиционные реалии-меры столь же чужды, как хлеб для алеутов. К прагматической адаптации и, соответственно, использованию таких вариантов передачи реалий, которые даже функциональными аналогами можно назвать лишь условно, примыкают и версии, где на «сглаживание» культурных лакун наслаивается стремление элиминировать и различия религиозные — с надеждой, что подобная тактика позволит устранить или, по крайней мере, смягчить эффект отторжения со стороны потенциальных потребителей перевода. Наглядным примером такого рода может служить так называемый «Восточный перевод», представленный в нескольких версиях для аудитории, исповедующей ислам (см. о нем [1], [30]). Одна из его версий предназначена для наиболее консервативной реципиентов и начинается со слов: «Вначале Аллах сотворил небо и землю» [31]. Синодальному: «Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него» (Мф. 3: 13) соответствует: «И вот из Галилеи к Иордану пришел Иса, чтобы пройти обряд погружения в воду у Яхии», и т.п.

«Политкорректная Библия»

В одном из разделов упомянутого выше доклада «О недопустимости вольных и тенденциозных переводов» митрополит Иларион, говоря о том,

«что в практике современных западных библейских переводов присутствуют вещи, для православного сознания неприемлемые», особо подчеркнул отрицательное отношение «к таким “политкорректным” версиям Писания, которые, вопреки прямому смыслу ветхозаветных и новозаветных текстов, пытаются при помощи заведомо ложных переводов легитимизировать то, что в Библии считалось безнравственным и греховным» [15].

Феномен политкорректности, действительно ставшей одной из наиболее заметных, а в известном смысле даже доминирующей чертой современной западной культуры, не мог обойти и переводы Священного Писания, проявляясь в различных формах. Отметим, что в докладе митрополита основное внимание уделено, в первую очередь, ее гендерному аспекту. Это вполне понятно, учитывая большое влияние «феминистического богословия», одним из проявлений которого стало стремление применять при создании версий Библии так называемый гендерно-нейтральный («инклюзивный») язык. В таком варианте устраняется использование по отношению к Богу местоимений и существительных, имеющих маскулинный характер, дополняются те места, где говорится о «братьях» упоминанием «сестер» и используются другие подобные приемы для создания текста, проникнутого «гендерным равноправием». Характеризуя эти версии, автор доклада замечает: «Данный феномен имеет отношение преимущественно к переводам Библии на английский язык, в котором Бог традиционно обозначается местоимением “Он” (He)» [15]; аналогичное неприятие вызывает у «феминизирующих» переводчиков / переводчиц и использование этого местоимения в качестве общего обозначения мужчин и женщин, чему создатели одной из таких версий посвятили достаточно обширный пассаж [24. P. VI—VII]. Однако приходится признать, что англоязычным миром дело не ограничивается, о чем свидетельствует, например, вышедшая в Германии «Библия на правильном языке» (*Bibel in gerechter Sprache*), создатели которой, не отрицая того, что Священное Писание действительно отражает патриархальный мир, утверждают, что «чисто филологический перевод» его является в наши дни неприемлемым и следует исходить из того, какие обозначения использовалось бы «в нашем сегодняшнем языке» (*in unserer heutigen Sprache*) [32. P. 10]. Примерно с тех же позиций выступают и создатели «Библии Радостной Вести» (*Gute Nachricht Bibel*), выполненной на основе принципов «динамической эквивалентности» Ю. Найды, которая порой выглядит как калька соответствующей англоязычной версии. Ее создатели сочли необходимым специально подчеркнуть, что это — первая немецкая версия, которая сделала наглядными значение и роль женщин, для чего используется и упомянутое выше добавление к «братьям» «сестер» в соответствующих местах [33]. Можно ли в подобных случаях говорить о собственно *переводческой вариативности* или речь о фактической *замене текста* — вопрос достаточно спорный.

Заключение

Существующие на различных языках версии Библии содержат большое количество примеров переводческой вариативности, что объясняется мно-

жественностью самих переводов, длительной традицией их осуществления и различными установками авторов, отражающими как объективные (собственно лингвистические и экстралингвистические) факторы, так и моменты субъективного характера, обусловленные личностью переводчика. В этой связи значительную роль играет выбор той версии, которая будет использоваться в качестве исходной, наличие в ней так называемых «темных мест», то есть фрагментов, допускающих различную интерпретацию, и лексических единиц с неустановленным или не вполне установленным значением, а также соображения прагматического характера, сказывающиеся, в первую очередь, при передаче содержащихся в оригинале реалий, иногда путем их замены. В последние десятилетия особо значимым источником переводческой вариативности можно считать идеи политкорректности, предусматривающие использование так называемого «инклюзивного языка», прежде всего — в гендерном аспекте. Поскольку в ряде случаев подобные версии представляют собой прямое отклонение от оригинала не только с лингвокультурной, но и мировоззренческой точки зрения, постольку они вызывают по отношению к себе неоднозначную реакцию. Вследствие этого возникает вопрос о самой возможности квалифицировать такого рода тексты как проявления *переводческой вариативности*, а не сознательной *подмены формы и содержания оригинала*, по отношению к которой само использование понятия «перевод» ставится под сомнение.

Библиографический список

1. Десницкий А.С. Современный библейский перевод: теория и методология. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015.
2. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения: от языковой асимметрии к политической. М.: РВалент, 2015.
3. Baker M. In Other Words, A Coursebook on Translation. London and New York: Routledge, 2009.
4. Hatim B., Munday J. Translation. An Advanced Resource Book. London and New York: Routledge, 2009.
5. Пим Э. Теоретические парадигмы в переводоведении. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018.
6. Стайнер Дж. После Вавилонского смешения. Вопросы языка и перевода. М.: МЦНМО, 2020.
7. Беллос Д. Что за рыбка в вашем ухе? М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019.
8. Бузаджи Д.М. К вопросу об определении понятия «перевод» // Мосты. 2011. № 2(30). С. 44—55 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.thinkaloud.ru/science/buz-definition.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).
9. Алексеева И.С. Антропоцентризм и текстоцентризм в современной теории и философии перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 183—187.
10. Сдобников В.В. Инвариант перевода: миф или реальность? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2015/02/18/sdobnikov_v_v.-invariant_perevoda-mif_ili_realnost.pdf (дата обращения: 14.12.2020).

11. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частой теории перевода. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
12. *Чуковский К.И.* Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб.: Аква-лон, Азбука-классика, 2008.
13. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004.
14. *Green R.P.H.* Augustine. De Doctrina Christiana. Oxford: Oxford University Press, 1995.
15. *Митрополит Иларион.* Переводы Библии: история и современность // Русская православная церковь. 26 ноября 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3394042.html> (дата обращения: 13.01.2020).
16. *Knox R.* Thoughts on Bible Translation // Trails of A Translator. Sheed & Ward, INC. New York, 1949. [Electronic resource]. Режим доступа: https://americancatholicpress.org/Msgr_Knox_Bible_Translation.html (дата обращения: 13.01.2021).
17. *Алексеев А.А.* Текстология Нового Завета и издание Нестле-Аланда. СПб.: Дмитрий Бу-ланин, 2012.
18. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современ-ный русский перевод. М.: Российское библейское общество, 2015.
19. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В современном русском переводе. Институт перевода Библии при Заокской духовной академии, 2015
20. *Tyler A.F.T.* Essay on the principles of translation. London: J.M. Dent & co.; New York, E.P. Dutton & Co, 1907.
21. *Humboldt W. von.* Einleitung // Aeschilos Agamemnon. Metrisch Übersetzt von Wilhelm Humboldt. Leipzig: Bei Gerhard Fleischer dem jungern., 1816. S. I—XXXVII.
22. *Even-Shoshan A.* Ha-milon he-hadash. V. VII. Jerusalem: Qiryat-Sefer, 1979.
23. ТаНаХ (Тора, Пророки, Писания). Перевод на русский язык Давида Йосифона. Иеруса-лим: Издательство «Мосад Рав Кук», 1975.
24. Holy Bible. New International Version. Grand Rapid, Michigan: Zondervan, 2011.
25. *Сушкова О.В.* И тыква, и плющ, и лоза виноградная // Церковь и время. 2009. № 3 (48). С. 169—184.
26. *Хухуни Г.Т., Осипова А.А.* «Неопределенные реалии» и их передача: об одном аспекте диахронического перевода // Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода. 2018. № 1. С. 96—108.
27. *Данелиа К.* Проблемы художественного языка и стиля по данным древнегрузинских пе-реводов Библии // Данелиа К., Апциаури Дж., Гоциридзе Д., Хухуни Г. Средневековый перевод и его особенности. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1992. С. 6—52.
28. *Десницкий А.С.* Сорок вопросов о Библии. М.: Даръ, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Desnickij/sorok-voprosov-o-biblii/18_3 (дата обращения: 14.01.2021).
29. Hoffnung für alle. Basel: Brunnen Verlag, 2003.
30. *Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А.* Библейский перевод и проблема транскulturа-ции: репрезентация реалий для исламской аудитории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования, языки и специальность. 2017. Т. 14. № 3. С. 359—368.
31. Священное Писание (Восточный перевод), версия с «Аллахом» (Carsa) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.biblegateway.com/versions> (дата обращения: 17.01.2021).
32. Bibel in gerechter Sprache. München: Gütersloher Verlagshaus. Gütersloh in Verlagsgruppe Random House. GmbH, 2011.
33. Gute Nachricht Bibel. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bibleserver.com/bible/GNB> (дата обращения: 17.01.2021).

Сведения об авторах:

Хухуни Георгий Теймуразович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики ГОУ ВО МО Московского государственного областного университета; *сфера научных интересов*: теория и история перевода, история языкознания, теория языка, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика; *e-mail*: khukhuni@mail.ru

Валуйцева Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики ГОУ ВО МО Московского государственного областного университета; *сфера научных интересов*: теория перевода, теория языка, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика; *e-mail*: irinaiv-v@yandex.ru

Осипова Анна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и коммуникации ФГБОУ Московского педагогического государственного университета; *сфера научных интересов*: теория и история перевода, сопоставительное языкознание, преподавание русского языка как иностранного; *e-mail*: assya@yandex.ru